

Сочиненіе написано по слѣдующему плану:

I. „Проповѣдь въ царствованіе Петра Великаго. Общій обзоръ проповѣди за эту эпоху. Два направленія въ церковной проповѣди по отношенію къ реформѣ Петра. Представители этихъ направленій—Теофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій. Отношеніе перваго къ политикѣ Петра. Проповѣдники, раздѣляющіе взгляды Теофана Прокоповича на петровскую реформу. Гавріиль Бужинскій, Симонъ Кохановскій, Теофиль Кроликъ. Противники реформъ и вообще новаго направленія при Петрѣ. Стефанъ Яворскій. Первоначальное положеніе Стефана при Петрѣ и подъ конецъ егò жизни. Зависимость его проповѣди отъ этого положенія его при Петрѣ. Общій отзывъ о его проповѣди. Единомышленники Стефана. Теофилактъ Лопатинскій. Проповѣдники менѣе извѣстные въ данный періодъ. Историческое освѣщеніе отношенія церковной проповѣди къ политикѣ въ разсматриваемый періодъ времени.

II. Проповѣдь въ царствованіе ближайшихъ преемниковъ Петра I-го: Екатерины I и Петра II. Отношеніе къ политическимъ событіямъ петровскаго времени проповѣдниковъ Петровскаго времени Теофана Прокоповича и Гавріила Бужинскаго. Характеръ ихъ проповѣди. Зависимость ихъ отношенія къ политическимъ событіямъ благодаря стѣсненному положенію ихъ въ данное время. Противники приверженцевъ Петра. Причина отсутствія проповѣдей противоположнаго реформамъ Петра направленія. Общая характеристика отношенія церковной проповѣди къ политикѣ въ данную эпоху.

III. Царствованіе Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Общій отзывъ о проповѣди за это время. Проповѣдь въ царствованіе Анны Иоанновны. Теофанъ Прокоповичъ — единственный проповѣдникъ этого времени. Близкое участіе Теофана въ политическихъ событіяхъ при восшествіи Анны на престоль. Положеніе его при новомъ правительствѣ. Зависимость отъ этого положенія его проповѣди. Характеръ его проповѣди. Проповѣдь въ царствованіе Елизаветы Петровны. Общій отзывъ о проповѣди за это время. Изображеніе въ проповѣдяхъ Елизаветинскаго времени и царствованія Анны Иоанновны и ея ближайшихъ преемниковъ—Бирона и Анны Леопольдовны. Отношеніе проповѣдниковъ къ царствованію Елизаветы.

IV. О проповѣди въ царствованіе Екатерины II и отношеніи ея къ политическимъ событіямъ этой поры. Выдающіеся проповѣдники этого времени: Платонъ Левшинъ, Георгій Конисскій, Арсеній Мацѣвичъ и др.

Заключение. Общій отзывъ объ отношеніи проповѣди къ политическимъ событіямъ за время отъ царствованія Петра до царствованія Елизаветы Петровны включительно“ (7—9).

Авторъ отнесся къ своей работѣ съ должнымъ вниманіемъ. Для оцѣнки эпохи въ указанномъ темой направленіи имъ изучено много проповѣдей выдающихся проповѣдниковъ этого времени. Авторъ изучалъ не только проповѣди уже изданныя различными издателями трудовъ церковныхъ дѣятелей разсматриваемой эпохи но не мало потрудился и надъ изученіемъ еще неизданныхъ никѣмъ до сихъ поръ проповѣдей многихъ церковныхъ витій того времени. Тщательно изучилъ авторъ и исторію XVIII в. по первокласснымъ нашимъ историкамъ и писателямъ. Авторъ довольно точно воспроизводитъ картину колебаній церковной мысли нашихъ высокопоставленныхъ церковныхъ сановниковъ, вершителѣй церковно-общественной жизни въ то время. Онъ довольно удачно воспроизводитъ предъ нами не только крупныя, но даже и самыя мелкія отбѣнки колебаній мысли церковныхъ дѣятелей того времени, объясняетъ намъ весьма живо, чѣмъ вызывались и какъ объяснялись эти почти неизбежныя колебанія въ умахъ и сердцахъ тѣхъ, кто не хотѣлъ быть добровольнымъ мученикомъ. О всемъ говоритъ авторъ съ фактами въ рукахъ, говоритъ резонно и вполне основательно.

Основной недостатокъ, проходящій почти въ равной степени черезъ все сочиненіе автора, подсказывается уже самой темой. Сдѣлать полный обзоръ нашей проповѣди за столь обширный періодъ времени въ указанномъ темой направленіи, конечно, невозможно. Отсюда у автора встрѣчаются часто вполне естественныя пробѣлы и пропуски. И самъ онъ иногда вынужденъ бываетъ сознаваться, что онъ не могъ разобраться въ томъ или другомъ вопросѣ (302, 330 стр.) или по недостатку времени или вслѣдствіе неимѣнія подъ руками надлежащаго матеріала. Обширность работы вынуждала автора часто отдѣлываться сырымъ матеріаломъ, разумѣемъ обширныя выписки изъ проповѣдей приводимыя не-

рѣдко авторомъ. Дѣятельность духовенства въ различныя царствованія, такъ мало похожія одно на другое, не всегда строго критически провѣрена и освѣщена (66 — 67, 68. 72 и др.). Не говоримъ уже о томъ, что автору удается отмѣчать въ своемъ трудѣ только болѣе крупныя сравнительно отклики проповѣдниковъ на современныя имъ событія. „Мелочи жизни“, изъ которыхъ иногда очень многое вытекаетъ и происходитъ, остаются почти въ тѣни совершенно.

Омѣченные мною недостатки вполнѣ извинительны въ виду такой обширности и сложности его работы. За свой трудъ авторъ степени кандидата богословія заслуживаетъ вполнѣ.“

32) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Садикова Александра* на тему: „Гавріиль Бужинскій, какъ проповѣдникъ“:

„Сочиненіе автора состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой онъ излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Гавріилѣ Бужинскомъ и знакомитъ насъ съ эпохой, въ какую жилъ изучаемый имъ проповѣдникъ, во второй дѣлаетъ анализъ проповѣдей съ внутренней стороны, со стороны содержанія, въ третьей—съ внѣшней, со стороны формы, языка и т. п. въ четвертой произноситъ оцѣнку проповѣднической дѣятельности Гавріила Бужинскаго. Гавріиль Бужинскій былъ виднымъ церковно - общественнымъ дѣятелемъ въ свое время. На немъ было остановлено вниманіе Петра Великаго, а этотъ государь зналъ, на комъ останавливать свое вниманіе. Невѣждамъ и проходимцамъ въ его время трудно было заручиться его довѣріемъ. Великій преобразователь назначаетъ Гавріила флотскимъ оберъ - іеромонахомъ. И дѣйствительно, Петръ не ошибся въ своемъ избранникѣ. Гавріиль былъ хорошимъ помощникомъ Петра въ его преобразовательныхъ начинаніяхъ. Это была кипучая, образованная натура. Его хватало на все. Онъ былъ флотскимъ оберъ - іеромонахомъ. Нужно ли было перевести книгу полезную и нужную съ иностраннаго языка на русскій, нужно ли было написать какую русскую книгу, Гавріиль всегда былъ къ услугамъ Петра. Въ 1718 г. онъ переводитъ сочиненіе Пуффендорфа. пишетъ „букварь“: „юности честное зеркало“. И онъ же все до указанію того же царя составляетъ цѣлыя пѣсни въ

„службѣ благодарственной“ по случаю Полтавской побѣды, составляет „послѣдованіе о исповѣданіи“. По порученію Св. Синода, исправляетъ церковныя службы, каноны. По приглашенію Сената участвуетъ при „сочиненіи уложенія“. Назначается протекторомъ типографіи и школъ. Словомъ, на него налагаютъ столько работы, что онъ проситъ разрѣшенія хотя не каждый разъ присутствовать на засѣданіяхъ Св. Синода.

Гавріила Бужинскаго можно твердо и рѣшительно характеризовать, какъ „Петра Великаго славныхъ дѣлъ великаго проповѣдника“. Дѣйствительно, изучая проповѣдническую дѣятельность въ данномъ отношеніи, мы видимъ въ лицѣ Гавріила Бужинскаго какъ бы какого присяжнаго, нанятаго проповѣдника. Онъ все хвалитъ въ жизни Петра, какъ будто бы въ этой великой дѣятельности совсѣмъ ужъ не было никакихъ темныхъ сторонъ. Великія внутреннія преобразованія Петра и внѣшніе его политическіе подвиги заставляютъ проповѣдника усматривать въ нихъ не что иное, какъ дѣйствіе всеблагаго промысла Божія (33). Петръ для него — „богодарованный царь“, — (49 стр.), „отецъ отечества“. Отсюда блаженъ день, въ который онъ родился. Петръ въ жизни своей былъ истинный подражатель Христа (45 стр.), въ своихъ подвигахъ былъ подражатель и апостоловъ Христовыхъ Петра и Павла (47 стр.). Защищая многочисленныя войны, какія велъ Петръ, проповѣдникъ говоритъ: „напрасно нѣкоторые говорятъ, что войны вообще не нужны, что они противоестественны и Богу не угодны“. Кажется, не осталось ни одного дѣянія Петрова, котораго не воспѣлъ бы въ своихъ проповѣдяхъ Гавріиль Бужинскій. Одному только Теофану Прокоповичу онъ уступалъ въ этомъ отношеніи.

Проповѣдей на темы религіозно-нравственнаго содержанія также не мало. Въ нихъ проповѣдникъ не является оригинальнымъ, новымъ и интереснымъ. Гавріиль Бужинскій жилъ во времена уже новыхъ вѣяній въ области теоріи нашего церковнаго краснорѣчія. Въ это время высказывалась рѣзкая и жестокая критика противъ католическаго схоластицизма, который раньше былъ недосягаемымъ идеаломъ нашихъ проповѣдниковъ. Во многомъ онъ слѣдовалъ Теофану Прокоповичу, подражавшему уже протестантскимъ проповѣдникамъ. Но и Гавріиль Бужинскій не успѣлъ еще впол-

нѣ отрѣшиться отъ старыхъ схоластическихъ образцовъ и почти чуть не стоитъ на грани двухъ, такъ сказать, гомилетическихъ эпохъ. Въ его проповѣдяхъ можно встрѣчать самыя осязательныя слѣды еще нашего схоластицизма, въ дѣленіи проповѣди на извѣстныя части, въ искусственномъ сближеніи различныхъ понятій, въ употребленіи множества выдержекъ изъ древнихъ языческихъ писателей, философовъ, поэтовъ и т. п.

Въ оцѣнкѣ дѣятельности реформъ Петра Гавриилъ Бужинскій не стоялъ на высотѣ настоящаго проповѣдника, для котораго истина дороже всего. Съ кафедры проповѣднической, которая должна бы быть всегда кафедрой пророческой, мѣстомъ новыхъ откровеній, и непреложной правды и истины, онъ вѣщалъ далеко не всегда слово истины и правды. Публицистика и положеніе вещей увлекали его иногда на пути, чуждые намъ и неоправдываемые исторіей всецерковнаго сознанія.

За свой трудъ авторъ заслуживаетъ степени кандидата богословія вполне“.

33) Заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Селиванова Александра* на тему: „Первохристіанскій приходъ-община по Новому Завѣту, Ученію Двѣнадцати Апостоловъ, Посланіямъ мужей апостольскихъ и другимъ соприкосновеннымъ памятникамъ“:

„Вмѣсто того, чтобы сосредоточиться въ тѣсныхъ границахъ специально-научнаго изслѣдованія древне-христіанскаго прихода, авторъ расширилъ работу до общаго обзорѣнія всѣхъ сторонъ жизни первохристіанской церкви — въ слѣдующихъ (кромѣ общихъ вступительныхъ замѣчаній) четырнадцати главахъ: 1) религіозно-общественная жизнь евреевъ, 2) условія вступленія въ христіанскую общину (Церковь) и принадлежности къ ней, 3) внѣшняя организація христіанской общины (Церкви), 4) отношеніе общины (помѣстной церкви) ко всей Церкви, 5) харисматики, 6) іерархія, 7) духовенство и міряне, 8) женщины, 9) богослуженіе, 10) соціальныя отношенія, 11) собственность, 12) судъ, 13) бракъ и 14) общій взглядъ на первохристіанскую общину съ ея свѣтлыми и темными сторонами (всего 462 стр.), со спискомъ находившихся у автора при работѣ книгъ (89 заглавій) и подробнымъ изложеніемъ содержанія сочиненія.

Благодаря чрезвычайно широкой постановкѣ дѣла авторъ могъ дать только краткое, во многихъ случаяхъ бѣгло-конспективное, обзорѣніе многочисленныхъ и разнообразныхъ сторонъ жизни первохристіанской Церкви и притомъ только по руководству бывшихъ у него пособій. Такъ какъ автору приходилось затрогивать вопросы изъ разныхъ богословскихъ наукъ — каноники, археологіи, литургики, исторіи, догматики, экзегеса и пр., то, понятно, ничего другого ему и не оставалось, какъ писать словами своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ, далеко, надо замѣтить, не всегда научно компетентныхъ и доброкачественныхъ литературныхъ пособій, слѣпо и безъ самостоятельной провѣрки имъ довѣряться, безъ самостоятельно-научной ориентировки въ предметъ работы. Но и въ качествѣ общаго обзорѣнія состоянія перво-христіанской Церкви по руководству разныхъ литературныхъ пособій, относящихся къ предмету, трудъ автора заслуживаетъ полнаго одобренія. Во 1-хъ, этихъ пособій авторъ перечиталъ обширное количество, изъ нихъ значительная часть принадлежитъ настоящимъ авторитетамъ научнымъ, предохранявшимъ автора отъ грубыхъ ошибокъ. Во 2-хъ, въ этомъ обилии и разнообразіи пособій авторъ не растерялся, но далъ продуманный, стройный и цѣлостный образъ всѣхъ сторонъ жизни первохристіанской Церкви. Въ 3-хъ, почти вездѣ указанія на источники въ пособияхъ авторомъ провѣрены въ цитатахъ по первоисточникамъ. Авторъ серьезно подготовилъ себя къ дальнѣйшей, уже самостоятельной, научной и спеціальной, работѣ по изученію первохристіанскаго прихода, почему его трудъ не только достоинъ кандидатской степени, но и заслуживаетъ полнаго одобренія“.

34) Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Семидалова Владимира* на тему: „Культъ индивидуализма въ новѣйшей западно-европейской литературѣ“:

„Авторъ справедливо замѣчаетъ, что индивидуализмъ является наиболѣе выдающеюся чертою новѣйшей западно-европейской литературы, и беретъ для иллюстраціи этого положенія одного изъ крупнѣйшихъ писателей нашей эпохи — Генриха Ибсена, такъ что сочиненіе г. Семидалова есть этюдъ объ Ибсенѣ. Эпиграфомъ для своего сочиненія г. Семидаловъ беретъ фразу изъ письма Ибсена къ Бьёрнсону:

„если я не могу созидать, то могу многое разрушить“. Индивидуализмъ Ибсена характеризуется авторомъ, какъ сила преимущественно разрушительная. Ибсенъ повергаетъ въ прахъ все то, чѣмъ жило до сихъ поръ челоувѣчество: общество, государство, церковь, семью—словомъ, всякую челоувѣческую организацію, какъ основанную на лжи и угнетеніи личности. Лучшие герои Ибсена возстаютъ противъ этой лжи и этого угнетенія во имя внутренней правды, живущей въ каждой личности и протестующей противъ насилія общества. Но являясь носителями этой идеальной правды, сознаваемой ими въ качествѣ личной миссіи или жизненной задачи, герои Ибсена, однако, постоянно терпятъ неудачи въ своихъ попыткахъ создать новыя формы жизни; надъ ними тяготѣетъ какой-то рокъ, который такъ или иначе заставляетъ ихъ падать въ бездну послѣ иллюзорнаго возвышенія въ надоблачныя выси. Такимъ образомъ, Ибсенъ оказывается беспощаднымъ сокрушителемъ въ критикѣ стараго, но, очевидно, не въ состояніи создать новый міръ на развалинахъ разрушеннаго.

Все сочиненіе г. Семидалова проникнуто одной основной идеей и обнаруживаетъ присутствіе творческой научной мысли. Это достоинство встрѣчается настолько нечасто, что указать на него значитъ выразить сочиненію самую высокую похвалу. Но автору нужно поставить въ упрекъ, что понятіе индивидуализма по отношенію къ Ибсену не проанализировано до конца и систематически. Между тѣмъ это представлялось существенно необходимымъ въ виду того, что, какъ это прекрасно, повидимому, сознаетъ и г. Семидаловъ, индивидуализмъ Ибсена имѣетъ свои отличительныя черты, рѣзко расходящіяся съ обычнымъ смысломъ этого понятія. Между прочимъ болѣе глубокой анализъ въ данномъ случаѣ помогъ бы автору точнѣе опредѣлить отношеніе Ибсена къ „старому міру“, который онъ разрушаетъ своей критикой. Авторъ постоянно подчеркиваетъ, что Ибсенъ протестуетъ противъ общественной лжи во имя внутренней правды личности. Но говоря о разрушеніи старыхъ идеаловъ, авторъ долженъ былъ бы хорошо помнить, что и старый міръ отнюдь не возводитъ ложь, какъ таковую, въ идеаль, и что онъ отнюдь не является—опять таки въ своихъ идеалахъ—врагомъ правды, какъ таковой. Слѣдовательно, чтобы понять

дѣйствительную противоположность между „старымъ міромъ“ и Ибсеномъ, нужно было точнѣе опредѣлить самое содержаніе понятій: „правда“ и „ложь“ въ обоихъ случаяхъ. Конечно, тамъ и здѣсь авторъ не могъ не подходить къ этому вопросу и долженъ былъ давать на него въ извѣстной мѣрѣ косвенные отвѣты. Но онъ долженъ былъ бы заняться имъ систематически, а не только мимоходомъ и болѣе или менѣе случайно.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о стилѣ сочиненія. И здѣсь прежде всего нужно отмѣтить несомнѣнно автору присущее дарованіе: онъ обладаетъ данными для того, чтобы быть хорошимъ стилистомъ, рѣчь его непринужденна и образна; но здѣсь же кроется и источникъ присущихъ стилю автора недостатковъ. Легко владѣя перомъ, г. Семидаловъ обнаруживаетъ недостатокъ сдержанности и вкуса въ украшеніи рѣчи; ея образность превращается въ вычурную претенціозность. Авторъ долженъ серьезно поработать надъ собою въ этомъ отношеніи.

При отмѣченныхъ недостаткахъ, сочиненіе, какъ сказано, отличается выдающимися достоинствами, а потому для степени кандидата болѣе чѣмъ достаточно“.

35) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Смирнова Алексѣя* на тему: „Культъ Ваала по даннымъ Библии и исторіи древнихъ культовъ“:

„Сочиненіе Г. Смирнова представляетъ всестороннее изслѣдованіе о культѣ Ваала. Въ предисловіи авторъ занимается вопросомъ о значеніи изученія культа Ваала для историка античной культуры и въ частности для библеиста-археолога, перечисляетъ источники для изученія баализма и ихъ критикуетъ. Самая трактація предмета изслѣдованія распадается на 3 главы: въ первой главѣ авторъ даетъ историческій очеркъ баализма у народовъ древняго востока, во второй главѣ, наибольшей по размѣру и центральной по содержанію, онъ излагаетъ доктрину баализма и описываетъ его культовые формы и наконецъ въ 3 главѣ—сообщаетъ о модификаціяхъ культа Ваала, точнѣе его девіаціяхъ. Сочиненіе г. Смирнова какъ въ своей схемѣ, такъ и въ детальномъ изложеніи предмета изслѣдованія производитъ самое благоприятное впечатлѣніе, какъ трудъ безусловно тщательно продуманный и опирающійся на обширное изученіе источ-

никовъ и пособій на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Изъ частныхъ погрѣшностей укажемъ на возможность опустить безъ существенныхъ вліяній на концепцію сочиненія внѣшней (политической) исторіи Финикии и на нѣкоторую неточность въ транскрипціи еврейскихъ словъ. Степени кандидата богословія г. Смирновъ вполне заслуживаетъ съ нарочитою похвалою его научной любознательности“.

36) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Соколова Дмитрія (Вио.)* на тему: „Значеніе твореній древнихъ подвижниковъ Церкви для современнаго пастыря-учителя“:

„Мнѣ давно хотѣлось заняться изученіемъ аскетической литературы. Когда я былъ еще въ семинаріи, при встрѣчѣ, знакомствѣ и посѣщеніи сельскихъ священниковъ я часто заглядывалъ въ ихъ бібліотеки и, къ моему удивленію и разочарованію, очень рѣдко и рѣдко находилъ въ этихъ бібліотекахъ творенія св. отцевъ. О твореніяхъ аскетовъ нечего и говорить: я ихъ тамъ не находилъ почти никогда. Когда приходилось заговаривать съ батюшкой о твореніяхъ св. отцевъ и аскетовъ, то въ большинствѣ случаевъ разговоръ велся вяло, неохотно, съ явнымъ желаніемъ поскорѣе его окончить. Еще іереи, убѣленные сѣдинами, читали творенія св. отцевъ и отзываются о нихъ съ большою любовью, а молодые знаютъ изъ святоотеческой литературы ничуть не больше того, что даютъ семинарскіе учебники. Знакомиться ближе съ ними они считаютъ дѣломъ лишнимъ, такъ какъ они, по ихъ словамъ, не блещутъ ни ученостью, ни оригинальностью и не приложимы къ жизни. Они писаны нѣсколько столѣтій тому назадъ, а съ тѣхъ поръ жизнь далеко ушла впередъ.

Съ сожалѣніемъ нужно признаться, что такое отношеніе современныхъ пастырей къ аскетическимъ твореніямъ зависитъ отъ того, что они не знаютъ важнаго значенія, какое имѣютъ эти творенія въ дѣлѣ пастырскаго учительскаго служенія. Я давно стремился заняться изученіемъ аскетической литературы и теперь очень радъ, что наконецъ могу вполне свободно заняться этимъ дѣломъ, изученіемъ этой литературы“

Такъ начинается свое сочиненіе авторъ.

Какъ видно уже изъ самаго начала, отношеніе автора къ своему дѣлу серьезное, вдумчивое, постановка діагноза темы

правильная, общіе тоны рѣшенія вопроса намѣчаются совершенно вѣрно. Матеріала для рѣшенія намѣченныхъ вопросовъ авторомъ собрано вполне достаточно. Авторъ изучилъ съ достаточною основательностью до двадцати твореній различныхъ древнихъ подвижниковъ церкви. При разработкѣ намѣченныхъ вопросовъ онъ использовалъ болѣе 40 пособій и журнальныхъ статей различныхъ авторовъ. Обширное сочиненіе автора (515 стр.)—не исчерпать въ небольшой замѣткѣ. Богатыхъ, новыхъ, полныхъ жизни мыслей, которыми такъ обильно сочиненіе г. Соколова, не передать на нѣсколькихъ страницахъ. Мы считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить въ ряду положительныхъ чертъ сочиненія автора лишь одну общую его особенность.

Суть обширнаго труда г. Соколова можетъ быть выражена кратко такъ. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью начертать психологію грѣха и добродѣтели съ тысячами ихъ едва уловимыхъ отгѣнковъ и переходовъ, колебаній и измѣненій. Сумма этихъ психическихъ явленій въ связи съ факторами потусторонней жизни и составляетъ содержаніе всей жизни человѣка на землѣ. Еще короче: авторъ раскрылъ предъ нами живую картину спасенія и паденія человѣка до самаго ада, до сатанинства и до послѣднихъ высотъ неба. Богъ и человѣкъ въ ихъ взаимоотношеніи предстаютъ предъ нами во всей ясности и яркости.

Жизнь духовная, полная такой сложности и загадочности, проходитъ предъ нами. Мы видимъ ее и почти осязаемъ своими руками. Есть особые ульи со стеклами, благодаря которымъ такъ удобно можно видѣть и изучать всю жизнь и дѣятельность пчелы. Сочиненіе автора до нѣкоторой степени подобно такому улью. Оно также даетъ возможность наблюдать жизнь души человѣка съ сложной ея дѣятельностью, исторію различныхъ наслоеній въ душѣ, положительныхъ и отрицательныхъ, видѣть синтезъ тысячи взаимно скрещивающихся и переплетающихся интересовъ, точки соприкосновенія души человѣческой съ небомъ и адомъ. Любопытно, тонкій анализъ различныхъ грѣховъ, особенно т. н. „смертныхъ“ даетъ намъ видѣть въ грѣхѣхъ нѣчто такое сложное, сильное, логически сплѣщенное, разумное, подвижное и сильное, что *это нѣчто* является уже не просто только фи-

зическимъ грѣхомъ, а *особымъ духомъ*, какъ бы какимъ то *особымъ разумнымъ существомъ*.

При раскрытіи внутренней жизни человѣка авторомъ, напрасно бы мы стали искать у него какихъ либо историческихъ и археологическихъ доказательствъ. Ихъ здѣсь нѣтъ. Все базируется у него на внутреннемъ непосредственномъ опытѣ человѣка. Богъ и дьяволъ, добро и зло, возстаніе и паденіе, небо и адъ,—все у него рассматривается не въ историко-археологической перспективѣ, а подъ угломъ или съ точки зрѣнія внутренняго опыта. Отсюда получаютъ свою довлѣмость всѣ христіанскія истины. Каждый изъ глубинъ своего духа, а не изъ исторіи, выноситъ приговоръ всему христіанству.

Вотъ этимъ то и дорого сочиненіе автора, и дорого особенно въ наше время, когда зачеркнуты всѣ авторитеты и люди опредѣляютъ и расцѣпываютъ всѣ христіанскія истины только по курсу своего внутренняго настроенія. Отсюда у многихъ отрицаніе Христа, христіанства, неба, загробной жизни и т. д. Авторъ, оставляя неприкосновенной позицію, какую многіе нынѣ заняли въ своемъ отрицаніи, все же заставляетъ человѣка, пользуясь *ихъ* оружіемъ, вѣрить во Христа, вѣрить въ добро и зло, вѣрить въ вѣчную жизнь. Онъ доказываетъ воочію, наглядно, что мы носимъ постоянно съ собою эти дорогія для человѣка истины и что онѣ такъ близки и сродны намъ, что мы не можемъ даже отдѣлаться отъ нихъ при всемъ нашемъ желаніи.

Матеріаль, собранный авторомъ на богатѣйшихъ пажитяхъ духоносныхъ писателей св. старины, извѣдавшихъ все непосредственно, даетъ ему такой опорный пунктъ въ борьбѣ за распространеніе Христовой истины на землѣ, съ какого его не сможетъ столкнуть рѣшительно никакая отрицательно настроенная голова. Святоотеческій матеріаль даетъ ему возможность быть ловцомъ человѣковъ въ наши тяжелые дни всякихъ шатаній и блужданій. Поэтому мы можемъ сказать, что авторъ не напрасно просидѣлъ годъ за своей работой.

Мы не будемъ выписывать многихъ прекраснѣйшихъ страницъ изъ сочиненія автора (196—198; 205—206; 221—222; 391; 495—496 и др.),—это насъ завело бы слишкомъ далеко. Мы надѣемся, что авторъ, если не все, то многое изъ сво-

его сочиненія напечатаетъ и такимъ образомъ дастъ возможность познакомиться всѣмъ съ его выводами.

Изъ недостатковъ, отъ которыхъ не свободно сочиненіе автора, мы укажемъ одинъ. Автору не вездѣ и не всегда удавалось выяснитъ въ точныхъ, логически связанныхъ и правильно расчлененныхъ чертахъ какъ отдѣльныя явленія духовной жизни, такъ и нѣкоторыя группы ихъ. Не говорю уже о томъ, что ему мало удалось выяснитъ вершину жизни души, гдѣ она входитъ въ небеса, и теряетъ послѣднія нити, связующія ее съ землей и всѣмъ земно-человѣческимъ. Но эти недочеты можно простить автору, если припомнитъ возрастъ, въ какомъ онъ писалъ свое сочиненіе, и ту сравнительную спѣшность, съ какою оно писалось. Освѣтитъ духовную жизнь человѣка въ такихъ глубинахъ ея и не утратить высоту современнаго научнаго міросозерцанія, это дѣло болѣе сильныхъ духомъ людей.

За свое сочиненіе авторъ заслуживаетъ степени кандидата богословія вполнѣ.“

37) Инспектора Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Соколова Дмитрія (Яросл.)* на тему: „Христіанство Толстого сравнительно съ Евангеліемъ“:

„Въ первой—большей половинѣ своего сочиненія (стр. 1-234) авторъ излагаетъ воззрѣнія Толстого по его сочиненіямъ. Для характеристики этихъ воззрѣній можно воспользоваться извѣстными словами Апостола о разсужденіяхъ младенца и взрослога мужа (1 Кор. 13, 14 сл.) По сравненію съ научно-богословскими построеніями христіанства сужденія Толстого представляютъ то же, что ребяческій лепетъ сравнительно съ разсужденіями взрослога человѣка. Отсюда задача настоящаго богослова при изложеніи воззрѣній Толстого сдумѣть разобратъ въ этомъ, претендующемъ на какую-то религиозную философію, лепетѣ, переложить этотъ лепетъ Толстого на рѣчь взрослыхъ людей и сдѣлать его болѣе или менѣе понятнымъ для взрослыхъ людей богословской науки, если и не съ логической (логики мало въ ребяческомъ лепетѣ Толстого), то по крайней мѣрѣ съ психологической стороны. вмѣсто того нашъ авторъ самъ увлекается волною Толстовскаго ребячества и, хотя и отмѣчаетъ безтолковую путаницу въ разсужденіяхъ Толстого съ логической стороны, но излага-

еть воззрѣнія Толстого его собственной рѣчью и длинными и постоянными выдержками изъ его сочиненій. Эта половина сочиненія не даетъ читателю ничего болѣе того, что онъ можетъ найти въ сочиненіяхъ самого же Толстого,—всѣ недомѣнія при чтеніи Толстого остаются не разъясненными. Вся эта первая глава посему оказывается сборникомъ выписокъ изъ книгъ Толстого.

Вторая глава (стр. 235—379) посвящена изложенію основъ религіозно-нравственнаго ученія христіанскаго или евангельскаго, безъ прямого отношенія къ Толстовскимъ воззрѣніямъ, почему она могла бы не быть самостоятельной частью сочиненія, но войти въ ту часть (третью), гдѣ Толстовскія воззрѣнія должны подвергнуться критикѣ съ точки зрѣнія евангельскаго ученія. Къ сожалѣнію, эту третью часть авторъ, по недостатку времени, изложилъ только въ видѣ заключенія, гдѣ набросанъ лишь отрывочный и бѣглый конспектъ нѣкоторыхъ критическихъ примѣчаній къ воззрѣніямъ Толстого (стр. 380—403), куда можно причислить и пять небольшихъ критическихъ примѣчаній на стр. 403-414). Получаются такимъ образомъ три, совершенно отдѣльныя и какъ бы только перешлетенныя въ одинъ аллигаторъ сочиненія: ученіе Толстого, ученіе христіанское, конспектъ критики ученія Толстого съ точки зрѣнія Евангелія. Работѣ недостаетъ единства и сосредоточенности.

Извинія автора неопытностью, сравнительно небольшимъ срокомъ, особенно при предварительномъ неполномъ знакомствѣ автора съ сочиненіями Толстого, могу указать на трудъ автора по изученію многочисленныхъ сочиненій Толстого и систематизацію по нимъ воззрѣній его, обширное знакомство съ русскою литературою по соприкосновеннымъ съ темою вопросамъ, истинно-христіанское направленіе въ сужденіяхъ автора, литературную обработку, отчетливую и краткую рѣчь, наконецъ на трудность темы для молодого богослова, требующей большого литературнаго навыка и научной опытности, какъ на основанія для признанія работы г. Сокколова вполне удовлетворительною для кандидатской степени и заслуживающею похвалы“.

38) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *іеромонаха Стефана (Беха)* на тему: „Проповѣди подобнаго *Феодора Студита*“:

„Жизнь и дѣятельность преп. Θεодора Студита мало обслѣдованы въ нашей литературѣ. Еще менѣе обслѣдована и изучена его проповѣдническая дѣятельность, не смотря на то, что онъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ ряду проповѣдниковъ, обращавшихся съ словомъ своего назиданія преимущественно къ инокамъ и излагавшихъ въ своихъ поученіяхъ взгляды на монашество съ его чрезвычайно сложной жизнью. Автору, какъ иноку, всего приличнѣе было взять на себя трудъ характеризовать своего св. великаго предшественника и учителя, какъ проповѣдника.

Въ своемъ сочиненіи авторъ довольно подробно и обстоятельно воспроизводитъ предъ нами картину вообще проповѣднической дѣятельности Θεодора Студита, довольно живо воскрешаетъ его проповѣдничество въ частности, старается проникнуть въ сокровенные уголки этой святой души и показать намъ, чѣмъ руководствовался преп. Θεодоръ Студитъ въ своихъ проповѣдяхъ въ томъ или другомъ случаѣ.

Преп. Θεодоръ Студитъ былъ очень ревностнымъ проповѣдникомъ. „Всякій случай въ монастырской жизни даетъ игумену поводъ извлечь изъ него полезное назиданіе для иноковъ. Праздникъ церковный даетъ ему матеріалъ для выясненія его значенія и непосредственнаго вывода отсюда жизненнаго урока. Наступаетъ время поста, и игумень требуетъ не воздержанія тѣлеснаго только, но и душевнаго, опредѣляя мѣру поста для общежитія и возводя мысли иноковъ къ послѣднему суду и воздаянію за воздержаніе. Смерть брата заставляетъ его говорить о приготовленіи къ смерти и очищеніи отъ страстей. Ушелъ изъ монастыря инокъ, игумень объясняетъ, что причиною этого была невнимательность и своеволие и учитъ быть вѣрными Царю Небесному ради царства вѣчнаго. Настала весна, игумень даетъ наставленія относительно пищи, питія и возводитъ мысль иноковъ къ заботѣ о воздѣлованіи души для блаженной жизни. Словомъ, всякое, даже случайное событіе въ обители, а иногда и въ обществѣ столичномъ, даетъ игумену поводъ возводить мысли иноковъ къ небесному и вѣчному“ (стр. 186.) „Рѣчь его блестяща и возвышенна, приводитъ авторъ свидѣтельство нѣмецкаго ученаго Шнейдера, и многія мѣста, благодаря пламенному воодушевленію и поэтической картинности, показываютъ въ немъ торжественнаго писателя“

(212 стр.). Глубоки были проповѣди преп. Феодора и по глубинѣ мысли, пламенности чувства. Авторъ приводитъ слѣдующій отзывъ о нихъ покойнаго архіепископа Филарета: „я убѣжденъ для себя, что ни изъ какой другой книги не почерпалъ столько свѣта и столько сокрушенія, какъ изъ „Оглашеній“ отца нашего. Съ пріятностью соединена въ нихъ особенная сила убѣдительности и съ назиданіемъ благодатное помазаніе“ (44 стр.).

„Проповѣди Феодора Студита не обнимаютъ всѣхъ сторонъ жизни христіанина, въ какомъ бы послѣднѣй званіи, состояніи, возрастѣ, положеніи и прочихъ условіяхъ жизни не находился и въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни былъ, какъ это мы находимъ въ проповѣдяхъ св. Іоанна Златоуста. Въ нихъ все направлено на созиданіе жизни иночествующихъ“ (79—80 стр.). За то эта сторона раскрыта съ необыкновенной подробностью и такою внутреннею очаровательностью и прелестью, что и до сихъ поръ невольно заставляетъ cadaго читателя пламенѣть душою, читая его возвышенныя строки о жизни иноческой.

Преп. Феодоръ положилъ въ основу своихъ поученій, въ которыхъ онъ раскрывалъ идеалы монашеской жизни, завѣты св. Василя Великаго. О себѣ онъ пишетъ: „азъ есмь проповѣдникъ и комаръ, азъ есмь извѣствователь дѣлъ великаго Василя“ (8 стр.). Отсюда идеалы, завѣщанные св. Василемъ Великимъ монашеству на вѣчныя времена, вездѣ и всюду сквозятъ и проглядываютъ въ поученіяхъ преп. Феодора. Приведемъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ.

Преп. Феодоръ Студитъ признаетъ возможнымъ для иноковъ только одно строгое общежитіе. Эту мысль онъ часто раскрываетъ въ своихъ поученіяхъ. У него одно поученіе даже и озаглавляется такъ: „о еже не величати ино житіе, развѣ общежительно живущихъ“ (90 стр.). Своего собственнаго имущества никакого никто изъ братіи имѣть не могъ. Въ обители все считалось общимъ. Запрещено даже было что-либо называть своимъ: „да не глаголемъ множае: мое или твое, еже есть полно тмами золь“ (165 стр.). Въ обители никто не имѣлъ права оставаться безъ какого-либо физическаго труда. Всѣ работали. Въ своихъ поученіяхъ преп. Феодоръ перечисляетъ цѣлый длинный рядъ различныхъ родовъ физическаго труда. Изъ оглашеній онъ назы-

ваетъ слѣдующіе роды занятій: „келарь, о больныхъ радѣтель, краснописецъ, виноградарь, вертоградарь, сапожникъ, поварь, икономъ, художествъ начальникъ, наблюдатель, возбуждатель, канонархъ, кандиловжигатель, хлѣбтворецъ, здатель, древодѣль, кузнецъ и т. д. (155 стр.). Къ каждому изъ труждающихся братій преп. Феодоръ обращается въ своихъ „Оглашеніяхъ“ съ назиданіемъ. Не забываетъ и самаго ничтожнаго служенія. Любопытны эти страницы. Такъ повару онъ говоритъ: „къ тебѣ же слово мое, о чадо мое поварю, иже жжешися на всякъ день отъ огня, и трудишися раскалати дрова, и варити варенія, и носити воду, и чистити и очищати зелія; и одымляется лице твое, и очернѣваютъ одежды твоя, и все твое тѣло сажи наполняется“ и т. д. (157 стр.). Заботливый игумень доходитъ до того, что указываетъ повару, какъ готовить лукъ къ трапезѣ, говоритъ, чтобы онъ старательно оберегалъ монастырскій инвентарь. „Конобы бо твои да не зѣло горять, имуще мало воды; мѣдни, тожде подобнѣ, три ноги да не горять праздно“. Трудно послушаніе повара, но великая ждетъ его награда, если онъ пройдетъ свое послушаніе съ кротостію и смиреніемъ. „Со святыми имѣти будеши часть твою, и въ нѣдрѣхъ Авраамлихъ упокоишися. Точію терпи и проводи дни твоя радуяся“, говоритъ преп. Феодоръ (157—158 стр.).

Монашество на землѣ является цвѣтомъ христіанства по воззрѣнію св. Феодора Студита. „Братіе и отцы, пишетъ онъ, нѣсть ино въ житіи нашемъ блаженнѣйше и выше, яко же жительство монашеское“. „Еда бо нѣсть Ангельскъ образъ вашъ. Монашескій чинъ паче же ангельскій чинъ“. „Братіе и отцы, многократнѣ похвалихъ азъ, и похваляю образъ и чинъ монашескаго жительства; и сіе не творю за ласканіе и прельщеніе, но истинѣ учу и глаголю, яко есть похвальна вещь иночество, или паче рещи Ангельство“ (96—97 стр.).

Монашество, по мнѣнію, Феодора Студита, есть „мученичество“. Мученичество это сказывается прежде всего въ борьбѣ съ своими внутренними глубоко прирожденными склонностями и неискоренимыми задатками, и въ борьбѣ съ окружающимъ міромъ за правду Божію и за имя Христова. Какая это глубокая мысль... Какъ богата она всякими выводами...

Далѣе, намъ пришлось бы говорить о томъ, какъ руково-

диль въ своихъ „оглашеніяхъ“ преп. игумень внутреннею, сложною жизнью иноковъ. Предъ нами здѣсь открывается новое безбрежное море мыслей, чувствъ, глубочайшихъ наблюдений, цѣнныхъ до послѣдняго дня земли. Но мы введемъ свое слово въ пристань молчанія. И безъ того мы уже простерли свое слово слишкомъ далеко.

Спасибо автору и за то, что онъ проштудировалъ не только почти всѣ русскія сочиненія о Θεодорѣ Студитѣ, но и нѣкоторыя иностранныя. Изъ послѣднихъ онъ съ особенною добросовѣстностью изучилъ сочиненіе нѣмецкаго ученаго Шнейдера, взглядами котораго и пользуется въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Въ числѣ самыхъ крупныхъ недостатковъ въ сочиненіи автора я долженъ отмѣтить нѣсколько. 1) Авторъ не попытался даже воспользоваться неизданными, непереведенными еще на русскій языкъ твореніями преп. Θεодора. А онъ могъ бы это сдѣлать, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ классической гимназіи. 2) Авторъ, какъ мнѣ извѣстно, знаетъ кромѣ нѣмецкаго англійскій языкъ. Не постигаю, почему онъ не воспользовался сочиненіями о Θεодорѣ Студитѣ, существующими въ англійской литературѣ. 3) Авторъ поспешилъ и не раскрылъ въ желательной полнотѣ ту сложную психологію души надшей и возставшей, съ тысячами неуловимыхъ почти оттѣнковъ, съ ея мистикой и пластикой, какъ это можно было бы сдѣлать на основаніи „огласительныхъ“ поученій преп. Θεодора Студита.

Стиль автора ясный, точный, яркій. Ошибокъ и шероховатостей литературныхъ почти нигдѣ я не встрѣтилъ.

За свой трудъ авторъ степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

39) Инспектора Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Страхова Владимира* на тему: „Второе посланіе Св. Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ“:

„Посвященный изученію исагогическихъ вопросовъ второго посланія Ап. Павла къ Фессалоникійцамъ, трудъ автора имѣеть:

введеніе (полулисты 1—12, тетрадь переплетена in folio, съ письмомъ только на нечетныхъ или первыхъ полулистахъ), содержащее краткія свѣдѣнія о Фессалоникійской церкви и

времени, мѣстѣ, обстоятельствахъ, цѣли написанія, содержанія и характерѣ Перваго посланія къ Фессалоникійцамъ,—и *шесть главъ* изслѣдованія: 1) анализъ содержанія посланія или точнѣе: краткое и послѣдовательное обзорѣніе содержащихся въ посланіи мыслей (полул. 13—16),—2) цѣль и обстоятельства написанія посланія: опроверженіе ложнаго мнѣнія, распространявшагося среди фессалоникійскихъ христіанъ, будто день Господень уже наступилъ, и успокоеніе волненій и безпорядковъ въ общинѣ, возникшихъ по поводу этого мнѣнія,—подробное изслѣдованіе вопросовъ о времени и мѣстѣ написанія посланія съ обстоятельнымъ и основательнымъ опроверженіемъ предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ, будто второе посланіе къ Фессалоникійцамъ написано ранѣе перваго (полулисты 17—39),—3) свидѣтельства о подлинности посланія—внѣшнія: Климентъ Рим., Варнава, Игнатій, *Лидакій*, Поликарпъ, Іустинъ, Маркіонъ и др. поздн.,—и внутреннія: общій духъ посланія и его соотвѣтствіе духу апостольской церкви и историческимъ обстоятельствамъ происхожденія посланія,—трудность поддѣлки послѣ смерти Ап. Павла и до Маркіона,—языкъ, стиль, форма и содержаніе посланія, личныя и историческія данныя посланія и его отношеніе къ новозавѣтнымъ посланіямъ вообще и къ другимъ посланіямъ Ап. Павла въ особенности (полул. 40—79),—4) подробное изложеніе и основательная критика всѣхъ, существующихъ въ наукѣ, возраженій противъ подлинности посланія, извлекаемыхъ изъ: а) эсхатологическаго ученія посланія, б) литературнаго отношенія втораго посланія къ первому, а именно—съ одной стороны изъ сходства обоихъ посланій (подробный разборъ гипотезъ Борнемана, Цона, Спитты, Юлихера), а съ другой—и изъ многихъ противорѣчій (2 Фесс. 3, 8 и 1 Фесс. 2, 9 и 2 Фесс. 2, 2 и 1 Фесс. 3, 17) и в) изъ мнимыхъ „непавловыхъ“ оборотовъ и выраженій втораго посланія (полул. 80—125),—5) всестороннее изслѣдованіе эсхатологическаго отдѣла посланія въ связи съ вопросомъ о подлинности и времени написанія посланія, причемъ особенно обстоятельно излагаются и основательно разбираются толкованія 2-й главы посланія конфессіонально-полемиическомъ протестантскимъ экзегесомъ примѣнительно къ папѣ и папизму, историческія примѣненія древнихъ экзегетовъ къ Нерону и другимъ императорамъ, также къ гностикамъ и

гностицизму и къ іудейскому лжемессіанству и лжемессіямъ, послѣ чего авторъ самъ дѣлаетъ заслуживающую по своей основательности полного одобренія попытку рѣшить трудности отдѣла: „отступленіе—*ἀποστασία*“, „тайна беззаконія—*μυστήριον τῆς ἀνομίας*“, „человѣкъ беззаконія—*ἄνθρωπος τῆς ἀνομίας*“, „удерживающій и удерживающее—*ὁ κατέχων* и *τὸ κατέχον*“ согласно древне-христіанскому ученію объ антихристѣ, какъ личности, ставящей своею задачею упраздненіе какъ церкви христовой, такъ и вообще всего христіанскаго въ человѣчествѣ и поставляющей на его мѣсто антихристіанство въ теоріи и практикѣ (полул. 126—186), б) наконецъ въ особую главу авторъ выдѣлилъ специальное изслѣдованіе вопроса о „храмѣ Божіемъ“ во 2 Фесс. 2, 4, поставивъ это изслѣдованіе въ связь съ вопросомъ о подлинности и времени происхожденія посланія, причеиъ, слѣдуя обычно своей методѣ, основательно опровергаетъ непринимаемыя имъ объясненія (аллегорическое и др.) и убѣдительно доказываетъ свое—буквальное, т. е. въ рѣчи Апостола видить указаніе на существовавшій еще тогда храмъ іерусалимскій, но въ отношеніи къ исполненію пророчества расширяетъ это понятіе (полул. 184—199),—и наконецъ пять приложений библейскихъ и другихъ греческихъ текстовъ (полул. 200—208).

Это краткое обзорѣніе работы г. Страхова даетъ видѣть, что авторъ тщательно и всесторонне изучилъ обширную какъ древне-христіанскую такъ и новѣйшую иностранную литературу предмета, сѣумѣлъ разобратъся въ массѣ различныхъ гипотезъ и нерѣдко въ схоластическихъ тонкостяхъ изысканныхъ интерпретацій, подвергъ основательной критикѣ многочисленныя разномѣнія по частнымъ вопросамъ исагогики, расширилъ уже выработанные доводы противъ отрицательныхъ возрѣній и углубилъ обоснованіе положительныхъ выводовъ нѣкоторыми своими соображеніями и комбинаціями историко-экзегетическаго характера. Авторъ владеетъ незаурядною способностью основательно и толково разбираться въ путаницѣ произвольныхъ и иногда трудно понимаемыхъ свѣжимъ умомъ тонкостей новѣйшей протестантской науки по Священному Писанію,—имѣетъ достаточную филологическую подготовку къ управленію сложнымъ аппаратомъ современнаго научнаго экзегеса и иногда,

особенно въ изслѣдованіи эсхатологическаго отдѣла посланія (двѣ послѣднія главы сочиненія), обнаруживаетъ задатки къ тонкому филологическому, логическому и психологическому анализу библейскаго текста, безъ чего, при настоящемъ состояніи науки, невозможно становиться на работу по экзегесу Священнаго Писанія. Прибавить надо стройную системность и ясность въ построеніи разсужденій автора, при отчетливости и литературной выработкѣ языка. Все сказанное даетъ полное основаніе ожидать, что послѣ нѣкоторыхъ частныхъ и несущественныхъ исправленій и дополненій, особенно въ цитациі первоисточниковъ, работа г. Страхова составитъ первую, труднѣйшую и главнѣйшую, часть магистерской диссертациі, для коей вторая часть—экзегетическая не представитъ автору уже никакихъ затрудненій. Трудъ г. Страхова не только вполне достоинъ кандидатской степени, но и заслуживаетъ особаго поощренія“.

40) Экстраординарнаго профессора Ивана Андреева о сочиненіи студента *Троицкаго Петра* на тему; „Отношеніе государства къ церкви по воззрѣніямъ наиболѣе видныхъ нашихъ писателей и общественныхъ дѣятелей“:

„Сочиненіе заключаетъ въ себѣ 484 страницы и состоитъ изъ введенія (1—16) и трехъ частей. Во введеніи авторъ говоритъ о значеніи вопроса особенно въ настоящее время и устанавливаетъ планъ сочиненія. Такъ какъ русская система отношеній церкви къ государству перешла къ намъ изъ Византіи, то въ первой главѣ (стр. 17—65) первой части авторъ дѣлаетъ справку изъ исторіи Византіи. Въ главѣ второй той же части (стр. 66—191) онъ излагаетъ исторію этихъ отношеній у насъ. Въ первой главѣ второй части излагаются воззрѣнія славянофиловъ (стр. 193—256); въ главѣ второй (стр. 257—355)—воззрѣнія В. С. Соловьева; въ главѣ третьей (356—386) воззрѣнія Толстого; въ главѣ четвертой (387—454)—взглядъ нашихъ канонистовъ и правовѣдовъ. Часть третья заключительная даетъ разборъ трехъ законопроектовъ по вопросу объ отношеніи государства къ церкви—правительственнаго, Предсоборной комиссіи и кадетской партіи (455—483).

Сочиненіе г. Троицкаго рѣшаетъ жгучій вопросъ современности. Написано оно съ любовью и знаніемъ дѣла. Авторъ перечиталъ богатую литературу предмета и хорошо ра-

зобрался въ ней. По всѣмъ многочисленнымъ отдѣламъ темы своихъ руководителей онъ выбиралъ весьма умѣло. Въ критикѣ воззрѣній, противоположныхъ его собственнымъ, авторъ сохраняетъ полное спокойствіе, отчего его аргументація выигрываетъ въ силѣ и солидности. Тонъ всей работы опрятный и отражаетъ чистое настроеніе благородно вѣрующаго. Авторъ вынесъ изъ своего изученія совершенно основательное убѣжденіе, что нормально жизнь церкви можетъ протекать только при отдѣленіи ея отъ государства.

Отдѣльныя части сочиненія могутъ быть напечатаны съ большою пользою для дѣла.

Авторъ выполнѣ достоинъ степени кандидата богословія“.

41) Ординарнаго профессора Михаила Тарѣва о сочиненіи студента *Троицкаго Сергѣя* на тему: „Этика Спинозы“:

„Въ предисловіи (стр. 1—48) авторъ перечисляетъ источники и пособия и говоритъ о значеніи Спинозы въ исторіи философіи, приводя рядъ отзывовъ о его философіи со стороны его современниковъ и позднѣйшихъ мыслителей. Затѣмъ (стр. 49—224) слѣдуетъ тщательно составленная и художественно изложенная біографія Спинозы. Характеристика „Богомъ упоеннаго“ философа, запечатлѣвшаго трагизмомъ судьбы высоту своихъ убѣжденій, рисуется въ восторженномъ тонѣ и свѣтлыхъ краскахъ, невольно отражая возвышенную настроенность біографа. Въ планѣ сочиненія наличность біографіи оправдывается общепризнаннымъ фактомъ глубокой связи личности философа и его системы. Переходомъ къ изложенію послѣдней служатъ умѣстныя разсужденія о жизненномъ мотивѣ философіи Спинозы и ея методѣ (стр. 225—244). Самое изложеніе философской системы дается въ слѣдующихъ отдѣлахъ: понятіе о Богѣ (245), атрибуты Бога (276), модусы (292), духи и тѣла,—человѣкъ (298), человѣческое тѣло (303), страсти (305), социальная этика (317), о человѣческомъ духѣ (389), познаніи (399), волѣ (413) и свободѣ (450—480).

Подъ руками г. Троицкаго были лучшія изданія сочиненій Спинозы и переводы нѣкоторыхъ изъ нихъ на русскій языкъ. Два разсужденія Спинозы впервые переведены съ латинскаго самимъ авторомъ: *Краткій трактатъ о Богѣ и человѣкѣ и его здравіи* и *Политическій трактатъ*, составляющіе въ переводѣ обширную рукопись. И сочиненіями, уже пере-

веденными, авторъ всегда пользуется въ подлинникѣ, что является совершенно необходимомъ въ виду тѣхъ трудностей, съ которыми встрѣчается изученіе Спинозы. Научная литература о Спинозѣ, насчитывающая сотни томовъ, достаточно использована авторомъ въ своихъ лучшихъ представителяхъ. Много важнѣе освѣдомленности въ тѣсной литературѣ спинозизма общая философская начитанность, заявляющая о себѣ довольно громко и обязывающая рецензента засвидѣтельствовать о дисциплинированномъ изученіи исторіи философіи.

Г. Троицкій стоитъ на высотѣ взятой на себя задачи и по методу мышленія: у него умъ строго-философскій, мысль раскрывается путемъ стройной системы, сказывается навыкъ къ глубокимъ и точнымъ понятіямъ, къ ясной и гибкой связи мыслей. Заслуживаетъ особенной похвалы умѣнье автора вникать въ чужую мысль и его непрерывное стараніе исчерпать всѣ средства къ уясненію каждаго пункта изучаемой системы.

При такихъ солидныхъ основахъ авторъ не имѣлъ нужды уклоняться отъ тѣхъ затрудненій, съ которыми необходимо столкнуться при серьезномъ отношеніи къ проблемамъ спинозизма. Эти затрудненія много разъ указывались. Извѣстны слова Якоби: „Чтобы понять Спинозу, для этого необходимо слишкомъ долгое и упорное умственное напряженіе. И его не понялъ никто, кому въ его „Этикѣ“ осталась неясной хотя бы одна строчка, кто не постигъ, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ быть такъ глубоко внутренне убѣжденъ въ своей философіи, какъ это онъ часто и рѣшительно высказывалъ“. Съ тяжестью пониманія можетъ сравняться лишь тяжесть изложенія. По словамъ проф. Н. Я. Грота, „Спиноза чуть-ли не самый трудный для популярнаго изложенія философъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ могутъ соперничать развѣ только нѣкоторые идеалисты XIX вѣка—Фихте и особенно Гегель. Своими словами нельзя излагать основныя метафизическія формулы Спинозы, такъ какъ каждое слово имѣетъ въ нихъ особенное, важное для его системы, значеніе“. Изъ этихъ трудностей авторъ вышелъ съ значительнымъ успѣхомъ. Онъ даетъ изложеніе достаточно стройное, ясное, глубокое и критически—освѣщенное. Восторженное отношеніе къ личности философа, объективное воспроизведеніе его системы и критическая оцѣнка ея основныхъ пунк-

товъ создаютъ монографію, чуждую столь обычной у начинающихъ авторовъ односторонности или слѣпного поклоненія или задорнаго критиканства.

Не хочу сказать, что диссертация г. Троицкаго готова къ печати: она впереди имѣетъ много фазисовъ постепеннаго усовершенствованія. Въ частности требуется усовершенствованіе плана изложенія. „Соціальная этика“ вставлена эпизодически и излишне повторяетъ миниатюрную полноту всей философской системы. Но и въ настоящемъ видѣ это сочиненіе значительно превышаетъ нормальный уровень студенческихъ работъ и далеко выступаетъ за предѣлы, необходимые для доставленія автору степени кандидата богословія.

Считаю долгомъ рекомендовать работоспособность г. Троицкаго особенному вниманію академическаго Совѣта“.

42) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Туберовскаго Александра* на тему: „Значеніе воскресенія Іисуса Христа въ дѣлѣ спасенія по ученію Новаго Завѣта“:

„Кандидатскія сочиненія, по какой бы наукѣ они ни были написаны, нерѣдко имѣютъ тотъ недостатокъ, что, по недостатку времени и отъ утомленія срочной напряженной работой, послѣдній отдѣлъ сочиненія имѣетъ замѣтные признаки труда спѣшнаго, торопливаго, бываетъ изложенъ поверхностно и бѣгло, въ общихъ очеркахъ, а иногда и совсѣмъ отсутствуетъ, такъ что задуманный планъ сочиненія оказывается либо осуществленнымъ неравномѣрно, либо не доконченнымъ.—Сочиненіе г. Туберовскаго въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе, замѣтное еще и потому, что сочиненіе его очень обширно, почти въ тысячу страницъ. Не смотря на обширность сочиненія, широко задуманный планъ его осуществленъ вполне, послѣднія главы написаны почти съ такою же обстоятельностью, какъ и первыя, и даже на послѣднихъ 35 страницахъ помѣщены два приложенія, составляющія такъ сказать роскошь въ сочиненіи, такъ какъ темой его они не требуются.

Составляя послѣдовательное развитіе одной идеи, сочиненіе г. Туберовскаго богато мыслями изъ области библіологіи, догматики и христіанскаго нравоученія.

Во вступительной части сочиненія (I—XC) изложенъ подробный планъ сочиненія, сообщены свѣдѣнія о побужденіяхъ

къ избранію темы о воскресеніи Иисуса Христа, объ источникахъ, пособіяхъ и методѣ изслѣдованія и указано вкратцѣ то значеніе, какое придавала воскресенію Христову первоначальная церковь.

Изслѣдованіе распадается на четыре отдѣла. Въ первомъ или общемъ отдѣлѣ (1—153 стр.) изъяснены важнѣйшія свидѣтельства Новаго Завѣта о значеніи воскресенія Иисуса Христа въ дѣлѣ спасенія (глава 1-я), изложена вкратцѣ сущность ученія о спасеніи и указаны девять значеній воскресенія Иисуса Христа для спасенія. Во второмъ, теоретическомъ, отдѣлѣ (154—441) раскрыты значеніе апологетическое воскресенія Иисуса Христа или значеніе его для вѣры (глава 1-ая), сотириологическое или значеніе его для искупленія въ тѣсномъ смыслѣ слова (глава 2-я) и мессіанское или значеніе его въ первосвященническомъ и царскомъ служеніи Богочеловѣка (глава 3-я). Въ третьемъ, практическомъ, отдѣлѣ (442—594 стр.) изслѣдованы моменты значенія воскресенія Иисуса Христа для спасенія—типологическій или значеніе воскресенія Христова для возрожденія человѣка (глава 1-я), нравственно—практической, или значеніе воскресенія Христова для христіанской жизни (глава 2-я) и мистической или значеніе его для общенія человѣка съ Богомъ въ таинствѣ причащенія (глава 3-я). Въ четвертомъ, эсхатологическомъ, отдѣлѣ (594—847 стр.) выяснены моменты въ значеніи воскресенія Христова—эсхатологическій, проявившійся особенно въ сошествіи Воскресшаго Христа во адъ (глава 1-я), апокатастасическій, онъ же генерическій, или значеніе воскресенія Христова для всеобщаго воскресенія людей при кончинѣ міра (глава 2-я) и универсально - апокатастасическій или значеніе воскресенія Христова для возстановленія всей твари (глава 3-я). Въ заключеніи данъ обзоръ выводовъ (848—867). Первое приложеніе содержитъ перечень важнѣйшихъ изреченій о значеніи воскресенія Христова изъ богослужебныхъ книгъ, а второе даетъ указанія на отношеніе истины воскресенія Христова къ философскимъ проблемамъ (867—890 стр.).

Источникомъ для сочиненія г. Туберовскаго служилъ Новый Завѣтъ. Онъ обстоятельно и подробно изъяснилъ прямо или косвенно относящіяся мѣста Новаго Завѣта, приводя параллельно тексты греческій и русскій важнѣйшихъ изре-

ченіи, вывелъ изъ нихъ положенія, которыя онъ затѣмъ догматически обосновалъ, поставивши ихъ въ связь съ другими догматическими истинами, въ особенности съ ученіемъ объ искупленіи, и такимъ способомъ пролилъ много свѣта на изреченія Новаго Завѣта о воскресеніи Христа, о спасеніи людей и многія другія. Въ изъясненіи Новозавѣтнаго Писанія онъ пользовался лучшими пособіями, древними и новыми, русскими и иностранными. При толкованіи Писанія онъ даетъ либо собственные изъясненія текста, либо дополняетъ какое-либо изъ извѣстныхъ ему толкованій, либо приводитъ два или три авторитетныя, но расходящіяся между собою толкованія, онъ отдаетъ предпочтеніе одному изъ нихъ; при выборѣ толкованій обнаруживаетъ тактъ и зрѣлость мысли.

Однако сочиненіе г. Туберовскаго по идеѣ, задачѣ, а отчасти по методу и содержанію, не толковательное, а догматическое. Изъясненія изреченій Писанія, какъ ни много они занимаютъ мѣста въ сочиненіи, служатъ только фундаментомъ, на которомъ построено изслѣдованіе предмета, являются средствомъ для цѣли, какъ это и должно быть въ сочиненіяхъ по систематическому богословію и въ частности по догматикѣ. Весь истолковательный матеріалъ подобранъ, расположенъ и изъясненъ соотвѣтственно основной идеѣ сочиненія. Идея же сочиненія та, что фактъ воскресенія Иисуса Христа имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣческаго рода и что это не достаточно оцѣнено какъ инославными, такъ и православными богословами, отъ чего и въ системахъ христіанскаго вѣроученія истина воскресенія Иисуса Христа занимаетъ менѣе важное мѣсто, нежели какое ей должно принадлежать. Эта идея обильно, разносторонне и широко объяснена и доказана на пространствѣ всего сочиненія. Повидимому, авторъ прямо таки былъ увлеченъ этой идеей. Быть можетъ это увлеченіе, а также и вообще любовь его къ занятіямъ по богословію и выдающаяся трудоспособность дали ему бодрость и силы меньше чѣмъ въ годъ довести до конца столь широко задуманный и отлично обработанный трудъ.

Отличительныя черты сочиненія—обстоятельность и основательность. Поставленный тезисъ исчерпывается полно, до конца; но вмѣстѣ съ тѣмъ основная мысль не упускается

изъ виду и раскрытіе ея не отягощается балластомъ изъ непереработаннаго матеріала или мало относящихся къ дѣлу побочныхъ мыслей. Свои мнѣнія и взгляды авторъ сочиненія обставляетъ мотивами, подтверждаетъ доказательствами съ неуклоннымъ постоянствомъ. Говорить голословно—не въ его вкусѣ. Въ выводахъ онъ остороженъ и логиченъ, и его оцѣнки не страдаютъ передержками. Его отзывы о мнѣніяхъ богослововъ сдержанны, скромны. Онъ не уклоняется отъ оцѣнки чужихъ взглядовъ, а съ другой стороны не впадаетъ въ критицизмъ, и такимъ образомъ избѣгаетъ этихъ двухъ крайностей, довольно обычныхъ у писателей начинающихъ. По замыслу, по построенію плана и разработкѣ его въ частностяхъ сочиненіе г. Туберовскаго самостоятелно. По многимъ своимъ достоинствамъ оно должно быть признано выдающимся и авторъ его вполне заслуживаетъ степени кандидата“.

43) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента священника *Часоводова Николая* на тему: „Страданіе твари (опытъ философскаго комментарія въ 22 ст. 8 гл. посланія Апостола Павла къ Римлянамъ)“:

„При обсужденіи своей трудной темы о Часоводовъ обнаружилъ много вдумчивости и, хотя далеко и далеко не исчерпалъ, конечно, сложнаго вопроса, однако намѣтилъ путь къ его правильному рѣшенію и высказалъ не мало философски-цѣнныхъ мыслей.

Содержаніе сочиненія, въ сжатомъ схематическомъ обзорѣніи, сводится къ слѣдующему. Въ краткомъ введеніи (стр. I—XXII) авторъ разъясняетъ прямой смыслъ словъ Апостола языковъ (Римл. 8, 19—22): „Апостоль говоритъ не только о страданіи твари, какъ о фактѣ, но и о причинѣ этихъ страданій, равно какъ указываетъ и на условія подчиненія твари суетѣ“. Эти положенія Апостола и являются для автора основой при выполненіи его задачи, причемъ три основныхъ положенія, указываемыхъ Апостоломъ, даютъ начало тремъ главнымъ частямъ его работы. Но первая часть, для удобства разъясненія вопроса о проявленіи зла въ мірѣ нижечеловѣческомъ, расчленяется у автора на три подотдѣла или главы. Прежде, чѣмъ говорить о самыхъ страданіяхъ твари, необходимо, по мнѣнію автора, установить,— существуютъ-ли данныя, по которымъ можно было бы су-

дить о страданіи твари. Глава: „Жизнь твари“ (1-ая, стр. 1—82) и является рѣшеніемъ этого вопроса. Здѣсь говорится о томъ, какъ складывается и чѣмъ опредѣляется жизнь твари; дается характеристика отношеній человѣка къ твари; въ заключеніе ставится вопросъ: „какъ же сама тварь относится къ такому строю своей жизни?“ Чтобы рѣшить поставленный вопросъ, необходимо, по автору, сначала опредѣлить, способна-ли тварь страдать, то-есть чувствовать страданія. Этотъ вопросъ разсматривается во 2-ой главѣ (83—152): „Психическія свойства животныхъ“. Указавъ здѣсь, прежде всего, тотъ путь, которымъ шелъ человѣкъ, знакомясь съ жизнью твари, авторъ затѣмъ, съ своей стороны, пытается описать и научно опредѣлить тѣ психическія свойства, которыя присущи животнымъ. Наличие этихъ свойствъ говорить о способности твари къ страданіямъ. Разбору вопроса о страданіяхъ твари посвящается 3-я глава (153—212): „Тварь страдаетъ“. Признавъ, что Богъ не можетъ быть виновникомъ страданій твари, что и сама тварь въ нихъ не виновна, авторъ ставитъ дальнѣйшій вопросъ: „почему же страдаетъ тварь?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается изъ выясненія того, въ какомъ отношеніи къ твари поставленъ человѣкъ, какое его значеніе для міра и, наконецъ, какъ „Едемская катастрофа“ могла отразиться на положеніи твари. Все это составляетъ содержаніе 4-й главы (213—308). Послѣдняя, 5-я, глава есть рѣшеніе вопроса о „смыслѣ страданій твари“ (309—429). Вопросъ выясняется съ точки зрѣнія назначенія міра, послѣ указанія на то, что удовлетвориться рѣшеніемъ его съ точки зрѣнія служенія твари человѣку невозможно. Общій результатъ изслѣдованія указывается, въ заключеніи (430—432), въ такихъ словахъ: „полная стремленій, а съ ними и страданій, жизнь твари, въ ея настоящемъ видѣ,—вина человѣка; въ его же рукахъ и избавленіе твари отъ такого строя жизни и, слѣдовательно, осуществленіе того, для чего она вызвана къ бытію“.

Таково содержаніе сочиненія. При его раскрытіи, авторъ обнаруживаетъ незаурядную начитанность въ различныхъ, соприкосновенныхъ съ областью его темы, областяхъ знанія, причемъ иногда ссылается и на собственныя наблюденія надъ жизнью животного міра, вслѣдствіе чего его сочиненіе представляетъ характеръ не сухого философско-богословска-

го трактата. но интересно - иллюстрированной философско-литературной монографіи.

Изъ недостатковъ, имѣющихъ болѣе или менѣе существенное значеніе, должны быть отмѣчены слѣдующіе: 1) главы первая („Жизнь твари“) и третья („Тварь страдает“) не имѣютъ логическаго права на *раздѣльное* существованіе, вслѣдствіе существенной однородности ихъ содержанія; 2) вторая глава (Психическія свойства животныхъ“) страдаетъ нѣкоторою шаткостью окончательныхъ выводовъ, которая могла бы быть устранена при болѣе внимательномъ изученіи богатой современной сравнительно - психологической литературы; 3) Конецъ пятой главы (о „смыслѣ страданія твари“) обнаруживаетъ довольно замѣтные слѣды спѣшности, проявившейся, съ одной стороны, въ сравнительно слабомъ раскрытіи выставленныхъ въ ней положеній, съ другой—въ нѣкоторой шаткости и ихъ самихъ.

Эти недостатки не препятствуютъ, однако, рецензенту признать сочиненіе о. Часоводова, въ виду указанныхъ выше его положительныхъ свойствъ, вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

44) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Чистякова Василія* на тему: „П. Я. Чаадаевъ. Его религіозные и общественно - историческіе взгляды“:

„Историческая роль Чаадаева въ развитіи русскаго общественнаго сознанія опредѣляется столько же его немногочисленными произведеніями—письмами, сколько личнымъ вліяніемъ на современное общество 20 — 30 — 40-хъ годовъ. Современники и послѣдующія поколѣнія привыкли представлять его въ идеальномъ, можно сказать — иконописномъ, образѣ, въ которомъ, однако, до насъ уцѣлѣли одни общіе контуры и исчезли мелкіе, трепещущіе жизнью, штрихи. Для восстановленія этихъ штриховъ и соединенія въ цѣлостное историческое изображеніе личности и дѣла Чаадаева накопилось значительное количество матеріаловъ. Ихъ приращеніе въ послѣднее время усилилось подъ вліяніемъ недавняго пятидесятилѣтняго юбилея со дня смерти его: переведены съ французскаго на русскій языкъ его письма, явились талантливыя статьи г. Гершензона, проливающія новый свѣтъ на него, какъ на человѣка и мыслителя. Одна-

кожъ, до сихъ поръ въ литературѣ не имѣется полной реальной характеристики личности и взглядовъ Чаадаева, которая бы поставила его въ живыя отношенія среды и современныхъ литературныхъ теченій, подробно уяснила смыслъ и генезисъ его оригинальной системы и опредѣлила вліяніе ея на русскую литературу и жизнь.

Сочиненіе г. Чистякова, если и можетъ быть признано до нѣкоторой степени восполняющимъ этотъ пробѣлъ въ литературѣ, то лишь въ смыслѣ подведенія итоговъ накопившемуся матеріалу, а не въ смыслѣ самостоятельной характеристики Чаадаева, открывающей горизонты для послѣдующихъ изученій его.

Точка зрѣнія автора на Чаадаева, изложенная во введеніи, вскрываетъ въ немъ „истинно-христіанскаго философа исторіи и блестящаго свѣтскаго апологета христіанства, т. е. въ полномъ смыслѣ такого религіознаго мыслителя, какой вполнѣ долженъ заслуживать не только вниманія, но и серьезнаго изученія со стороны лицъ богословски образованных“ (стр. XI). Этой точкой зрѣнія, по мнѣнію автора, обнимаются обычные представленія о немъ, какъ о скептикѣ, пессимистѣ и революционерѣ: онъ былъ тѣмъ, другимъ и третьимъ потому, что терзался сознаниемъ несоотвѣтствія между идеалами христіанской общественности и русской дѣйствительностью. Иногда придерживаясь этой точки зрѣнія, иногда, незамѣтно для себя, отступая отъ нея, авторъ въ трехъ главахъ сочиненія (310 стр.) даетъ: 1) біографію Чаадаева, 2) попытку изложенія его системы и 3) объясненіе ея съ психологической и историко-литературной точекъ зрѣнія. Біографія дробится на четыре періода. Ихъ смѣна разсматривается въ связи съ уясненіемъ эволюціи міросозерцанія: отъ идеаловъ общественнаго характера, въ духѣ декабристскихъ стремленій, Чаадаевъ перешелъ къ идеѣ личнаго самоусовершенствованія въ мистическомъ общеніи съ Богомъ, отъ мистицизма — къ синтезу общественнаго и личнаго идеаловъ, въ духѣ католическихъ мыслителей — Бональда, Де-Местра, Ламеннэ, отъ этого синтеза — къ послѣдовательной проповѣди въ обществѣ. Систематизируя взгляды Чаадаева, авторъ раскрываетъ основной принципъ ихъ — идею царства Божія на землѣ — и его примѣненіе къ исторіи Западной Европы и Россіи. Воплощеніемъ этой всеобъемлющей

идеи для Чаадаева является католическая церковь, сосредоточившая въ себѣ всю двигательную силу исторіи. Россія, принявшая христіанство отъ Византіи, осталась внѣ благодатнаго руководства католической церкви, и потому ея прошедшее печально, а будущее—безнадежно. Съ теченіемъ времени Чаадаевъ измѣнилъ свое отрицательное отношеніе къ Россіи, принявъ во вниманіе тѣ трудныя условія, въ которыхъ создавалась русская исторія. „Незасоренность русской психики“ внушила ему увѣренность, что Россія призвана разрѣшить большую часть проблемъ соціальнаго строя, завершить идеи, возникшія въ старомъ европейскомъ обществѣ, и произнести приговоръ въ самыхъ важныхъ вопросахъ жизни. Могучимъ факторомъ обновленія будетъ православіе, соединенное съ католичествомъ. Уясняя генезисъ системы Чаадаева, авторъ выводитъ ее изъ психики мыслителя, склонной къ мистицизму, и изъ пережитыхъ вліяній со стороны западныхъ мистиковъ и католической реакціи. Въ заключеніе отмѣчаются слѣды вліянія исторической идеологіи Чаадаева въ теоріяхъ западниковъ и славянофиловъ и въ сочиненіяхъ Достоевскаго и Вл. Соловьева.

Противъ изложеннаго въ общихъ чертахъ содержанія труда г. Чистякова, съ перваго взгляда, можно было бы сказать немного. Но на читателя, знакомаго съ литературой предмета, производитъ досадное впечатлѣніе его общій компилятивный характеръ. Здѣсь нѣтъ того научнаго синтеза, которымъ бы разнообразныя источники перерабатывались въ цѣлостное и яркое изображеніе личности и міросозерцанія изображаемаго мыслителя. На нѣкоторыхъ страницахъ сочиненія не подвергшіяся переработкѣ заимствованія изъ существующихъ изслѣдованій о Чаадаевѣ выдають себя даже литературнымъ стилемъ, непохожимъ на стиль автора (стр. 29, 31, 34, 42, 44, 55, 113, 116, 254, 285—6). Иногда заимствованія оказываются въ недостаточной степени и внутренне между собою спаянными. Наприм., сужденія о мистицизмѣ, навѣянные на автора г. Гершензономъ, въ сочиненіи совмѣщаются съ заимствованнымъ изъ новой книги г. Нелидова (Очерки по ист. нов. русск. лит., ч. I-ая), непонятнымъ заявленіемъ, что ученіе мистиковъ, повліявшихъ на Чаадаева, сводило все христіанское ученіе къ этикѣ, хотя и было преисполнено мистическимъ элементомъ (стр. 55 сочиненія,

ср. Нелидовъ,—стр. 150). Прислонившись къ воззрѣніямъ своихъ предшественниковъ по работѣ, авторъ, очевидно, не могъ мѣстами отрѣшиться и отъ ихъ фразеологіи, которая привела его къ непровѣреннымъ утвержденіямъ.

Въ частности, біографическая часть изслѣдованія обладаетъ нѣкоторыми весьма значительными достоинствами. Хотя здѣсь нѣтъ какихъ-либо новыхъ психологическихъ построеній, которыя могли бы быть извлечены изъ накопившихся фактовъ, но біографическія подробности соединены исторически вѣрно и удачно введены въ историческую сферу, въ соотвѣтствіи съ общественной жизнью людей 20—30-хъ годовъ. Хронологическія данныя тщательно провѣрены, исправлены и съ успѣхомъ дополнены. Между прочимъ документально установленъ годъ поступленія Чаадаева въ университетъ: такимъ годомъ былъ 1808-ой, тогда какъ прежде было извѣстно, что это случилось „около 1809 г.“—Изложеніе системы Чаадаева, въ общемъ правильное и законченное, страдаетъ слишкомъ щедрымъ обиліемъ выдержекъ изъ сочиненій Чаадаева. Эти выдержки во 2-ой главѣ занимаютъ болѣе половины всего текста и совершенно заслоняютъ собою отъ читателя образъ изслѣдователя. Въ выясненіи генезиса философской системы Чаадаева личному почину его приписывается, на нашъ взглядъ, больше, чѣмъ позволило бы всестороннее изученіе его взглядовъ въ отчетливой исторической перспективѣ. Вслѣдъ за Пыпинымъ, Милюковымъ, Гершензономъ и др. изслѣдователями, авторъ отмѣчаетъ источникъ системы Чаадаева во вліяніи на него католическихъ писателей. Будущій изслѣдователь Чаадаева, безъ сомнѣнія, вскроетъ ближайшую идейно-литературную сферу, во взаимоотношеніи съ которой росло и эволюционировало его творчество. Такой сферой былъ кружокъ „любомудровъ“—шеллингианцевъ, критически относившихся къ русской исторіи и, тѣмъ не менѣе, пророчившихъ ей въ будущемъ почетную роль обновленія обветшавшихъ формъ, созданныхъ Европой. Ближайшимъ образомъ католическія симпатіи Чаадаева были предварены статьей И. Кирѣевского: „XIX вѣкъ“, а его взгляды на прошлое и будущее Россіи—статьями Надеждина, напечатанными въ „Телескопѣ“ (1832 и 1835 г.). Только такимъ родствомъ системы Чаадаева съ взглядами Надеждина можно объяснить, между прочимъ, фактъ напечатанія

Философическаго письма Чаадаева въ томъ же „Телескопѣ“. Говоря о вліяніи идей Чаадаева на послѣдующую русскую литературу, нельзя ограничиваться указаніями на Достоевскаго и Соловьева: вѣра въ особую миссію Россіи, выраженная имъ въ „Апологіи сумасшедшаго“, была поддержана не только славянофилами, но также Герценомъ, шестидесятниками и семидесятниками.

Наконецъ, не можемъ не обратить вниманія автора на стилистическую веряшливость его сочиненія, сказывающуюся въ неправильномъ строеніи періодовъ, въ искусственной разстановкѣ словъ и въ неудобопонятныхъ выраженіяхъ (напр. стр. 275, 280, 281 и др.).

Однакожь, мы отмѣчаемъ недочеты разсматриваемаго труда съ полной благожелательностью въ отношеніи къ его автору и съ увѣренностью, что эти недочеты, какъ случайныя свойства перваго большого научнаго опыта, не поколеблютъ въ немъ присущей ему любви и способности къ занятіямъ исторіей литературы. Эта увѣренность находитъ для себя основаніе въ существенныхъ достоинствахъ сочиненія, искупающихъ собою недостатки его. Авторъ основательно изучилъ литературу, относящуюся къ вопросу о Чаадаевѣ, и тщательно разобрался въ ней. Не ограничиваясь печатными изслѣдованіями, въ поискахъ новыхъ матеріаловъ, онъ пересмотрѣлъ касающіяся Чаадаева бумаги, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ; съ тою же цѣлью онъ добылъ метрическую справку о смерти его и копію съ раздѣла Чаадаевскихъ имѣній. Хотя разысканія г. Чистякова не увѣнчались открытіемъ какихъ-либо новыхъ біографическихъ подробностей, подтвердивъ и дополнивъ лишь извѣстныя, но уже одно стремленіе работать по первоисточникамъ составляетъ его большую заслугу. Кто производилъ изслѣдованія по архивнымъ матеріаламъ, тотъ знаетъ, какая масса времени и труда расходуется при этомъ иногда бесплодно, невидимо для читателя... Вообще, чрезъ все сочиненіе проходитъ стремленіе автора къ документальному, строго провѣренному изложенію дѣла, безъ голословныхъ и произвольныхъ построеній. Общая точка зрѣнія на разсматриваемыя имъ историческія и литературныя явленія отличается строгой объективностью. Углубившись въ вопросъ о Чаадаевѣ, расширивъ постановку этого вопроса и радикально усовершенствовалъ